

ДИСКУРСИВНАЯ СЕМАНТИКА ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Л. Н. Синельникова

Гуманитарно-педагогическая академия

(филиал Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в г. Ялте)

DISCOURSE SEMANTICS OF PERSONAL PRONOUNS

L. N. Sinelnikova

Academy of the Humanities and Pedagogics

(branch of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta)

Аннотация: в статье личные местоимения (я, ты, мы) интерпретируются в русле грамматики дискурса, ориентированной на включение дискурсивного парадигмального компонента в квалификационные характеристики частей речи. В дискурсе личные местоимения могут выходить за пределы дейктического поля, заданного традиционными классификациями, и проявлять свойства, для понимания и оценки которых необходим комплексный (междисциплинарный) подход, обеспеченный семантической, прагматической и когнитивно-дискурсивной совместностью. Личные местоимения принимают участие в идентификации институциональных дискурсов и новых дискурсивных практик; относятся к культурно-маркированным единицам морфологического уровня; являются носителями национальных традиций, что особенно существенно для успешных межкультурных коммуникаций. Конфигурация личных местоимений в дискурсе, их расположение относительно друг друга, языковое окружение и внеязыковой фон дают основание для выявления дифференциальных признаков каждого местоимения группы. Семантико-когнитивный потенциал личных местоимений многообразно проявляется в институциональных дискурсах и формирующихся дискурсивных практиках. Намечена типологически значимая связь когнитивно-перцептивных свойств личного местоимения и типа (вида) дискурса. Так, я-духовное организует преимущественно философский, поэтический и религиозный дискурс; я-общественное активно в политическом дискурсе; без я-статусного нельзя обойтись в презентационном дискурсе и т. д. Местоимение ты имеет разный набор признаков в диалоге и в монологе в соотносительности этих структур с типом дискурса. Местоимение мы включено в широкий спектр инклюзивно-эксклюзивных идентификаций. Обращается внимание на межкультурный аспект в употреблении рассматриваемых местоимений с акцентом на особенностях русской ментальности. Включенные в статью текстовые иллюстрации повышают доказательный уровень эффективности когнитивно-дискурсивного подхода к исследуемой проблеме.

Ключевые слова: личные местоимения, дискурс, грамматика дискурса, дифференциальный признак, эгоцентричность, альтерэгоцентричность, минимальный интерактивный дискурс, русская ментальность.

Abstract: the article interprets personal pronouns (I, you, we) through the prism of discourse grammar, oriented towards including the discourse paradigm component in the categorising features of parts of speech. In a discourse, personal pronouns can go beyond the limits of the deictic field, set by traditional classifications, and demonstrate qualities which, in order to be understood and evaluated, require a complex (interdisciplinary) approach, ensured through semantic, pragmatic and cognitive discourse compatibility. Personal pronouns take part in the identification of institutional discourses and new discourse practices; they belong to the culturally-labelled units of the morphological level; they are the carriers of national traditions, which is especially important for successful intercultural communication. The configuration of personal pronouns in a discourse, their positioning in relation to each other, the language environment and the non-linguistic background give reasons to identify the differentiating qualities of every pronoun in a group. The semantic and cognitive potential of personal pronouns is demonstrated in institutional discourses and in the discourse practices being formed. The author identified a typologically

important connection between the cognitive/perceptive qualities of a personal pronoun and the discourse type. Thus, the spiritual I organises predominantly philosophical, poetic and religious discourses; the social I is active in political discourse; the status I is essential in presentational discourse etc. The pronoun 'you' has different sets of qualities in dialogues and monologues relating these structures to discourse types. The pronoun 'we' is included in a wide range of inclusive-exclusive identifications. The author pays attention to the intercultural aspect of using the given pronouns with an emphasis on the features of Russian mentality. The textual illustrations included in the article raise the effectiveness level of the cognitive discourse approach to the given problem.

Key words: *personal pronouns, discourse, discourse grammar, differentiating quality, egocentricity, alteregocentricity, minimal interactive discourse, Russian mentality.*

Введение

Всякий индивид или группа людей должны сохранять способность свободного и послушного судьбе перехода от субъективного «я» к объективному «оно», а далее, от восприятия «ты» к понимающему «мы».

О. Розениток-Хюсси «Речь и действительность»

Динамика кластирования местоимений согласуется с существующими в определенное время научными парадигмами, каждая из которых по причине длительного времени существования проявляет признаки инерционности, что так или иначе отражается на содержании исследований периода перехода от одной парадигмы к другой. С одной стороны, проявляется принцип дополнительности – совмещенности подходов, с другой – нередко в угоду моде, происходит механическая замена одного понятийного аппарата другим. Новые принципы интерпретации языкового материала формируются не вдруг: они закладываются в «прорывных» идеях и концепциях, которые с течением времени осознаются как постепенно сбывающийся прогноз. Так, в статье Г. А. Золотовой «Грамматика как наука о человеке» были названы маршруты расширения привычных границ грамматики за счет семантики, прагматики, теории речевых актов, когнитологии. «Грамматическая наука – часть филологии, это не свод парадигм, правил и запретов, а ключ к строю языка, к строю текстов, к строю человеческой мысли [1, с. 107]. Отсюда необходимость перехода от классификаций к объяснениям через серию ответов на вопросы: что, как, зачем, почему, и все это с учетом смысловых, ситуативных, стилистических предпочтений говорящего. Текст признается основным объектом лингвистики, а объединяющим началом интегрированных знаний становится человек как говорящее лицо.

Переход от имманентной структуры лингвистического объекта к тексту позволил расширить описание текстообразующего потенциала грамматики, выявить роль грамматических категорий и средств в композиции, жанре и стиле текстов. Исследовательский маршрут от дефиниции «Местоимение – часть речи, которая указывает на лицо, предмет или признак, но не называет их» до «Местоимение – разряд слов, в толкование которых входит отсылка к ситуации речи, к структуре текста, к интенциям говоря-

щих» продолжается до сих пор. Включение в дефиницию дискурсивного сегмента пока не состоялось, хотя значительное количество публикаций в этом направлении может способствовать переходу количества в качество.

Отношения между терминологическими сочетаниями *грамматика текста* и *грамматика дискурса* до сих пор остаются не до конца определенными, равно как и отношения между *текстом* и *дискурсом*. Тандемность текста и дискурса (содружество, необходимое для достижения общих целей) – одно из значимых свойств современной научной парадигмы. «Говоря метафорическим языком, прагматика текста ручейком втекает в исследовательское море дискурса» [2, с. 536]. Обратим внимание на статью К. А. Роговой «На пути к новой академической грамматике», в которой рассматривается вопрос о включении в грамматику дискурсивного анализа, что «невозможно без расширения семантической базы описываемых языковых единиц и их смысловых преобразований в разного типа дискурсах» [3, с. 5].

Включение дискурсивного парадигмального компонента в грамматику способствует обогащению квалификационных характеристик грамматических средств и группировок, расширяет семантическую, функциональную и когнитивную базу описания. Перспективы «расширения» грамматики в сторону дискурсологии можно усмотреть в корпусной грамматике русского языка (КГ), ориентированной на исследование естественной языковой среды, в которой грамматические конструкции могут получить новые характеристики, не зафиксированные в нормативном плане, в том числе (или прежде всего) с учетом использования в том или ином дискурсе. В Предисловии «Дискурс и грамматика» В. А. Плунгян подчеркивает, что «язык функционирует именно в виде дискурса и что именно дискурс является единственной наблюдаемой реальностью языка». И добавляет: «Если бы теоретики языка чаще анализиро-

вали то, как люди на самом деле говорят, мы были бы давно избавлены от множества грамматических мифов и иллюзий» [4, с. 8].

Предмет *грамматики дискурса* находится в процессе проблемного формирования. В пространстве грамматики 4.0 когнитивно-дискурсивный подход к местоимению практически не представлен: акцент на функции связи и дейктичности как прямой указательности сдерживает переход к другим свойствам местоимения, например, к возможности быть репрезентантом социально-значимых концептов [5] как базовых понятий когнитивной лингвистики. Такие свойства дискурса, как социальная проявленность, влияние на семантику экстралингвистического контекста, интенции коммуникантов, их картины (образы) мира трансформируются в дискурсивные факторы, которые не имеют «уровневых» ограничений и могут быть представлены как в лексике, так и в грамматике.

Цель статьи – расширить классификационные признаки личных местоимений *я*, *ты*, *мы* через включение в их характеристики когнитивно-дискурсивного компонента; подтвердить роль этих местоимений в верификации ряда институциональных дискурсов и в организации дискурсивных стратегий и тактик в межличностном общении. Для реализации поставленной цели потребовалось обращение к комплексу методов: дискурс-анализу, контекстуальному анализу, интенциональному методу, методу определения культурных значений и смыслов.

Доказательные текстовые иллюстрации извлечены в основном из русской художественной прозы. Местоимения в художественной прозе, с одной стороны, сохраняют общеязыковые нормативные свойства и функции, с другой – они по условиям этого вида нарратива прагматически актуализированы (прежде всего – в диалогах). Подход к литературному тексту как к виду коммуникации представляется вполне справедливым. Грамматика при таком подходе рассматривается как когнитивно-психологическая реальность, а местоимения – как слова, имеющие прямое отношение к такого рода реальности. Более того, нередко именно в художественном дискурсе возникают условия для новаций, часть которых с течением времени может стать новой нормой. Понятие «умная аксиология дискурса» [6] применимо, на наш взгляд, и к местоимениям.

Дискурсивная акцентированность местоимений *я* и *ты*

По мере исследования пополнялся (и остается открытым) регистр местоименных смыслов *я*: *я*-физическое, *я*-духовное, *я*-общественное, *я*-статусное, *я*-ролевое, *я*-профессиональное, *я*-семейное, *я*-про-

шлое, *я*-будущее, *я*-виртуальное, *я*-предельное, *я*-медийное и т. д. Каждое из этих физических и метафизических *я* проектируется на нормы институциональных дискурсов и (или) на особенности формирующихся дискурсивных практик. *Я*-физическое реализуется в разговорном дискурсе, т. е. в тех случаях, когда возникает необходимость живой речи (реальной или стилизованной); *я*-духовное принадлежит философскому, поэтическому и религиозному дискурсам; *я*-общественное – прерогатива политического дискурса; *я*-статусное необходимо в презентационном дискурсе; *я*-ролевое – в социально-регламентированном и игровом дискурсах; *я*-семейное представляет участников семейного дискурса и модели их ролевого поведения; *я*-прошлое, *я*-будущее – субъектно-временные вариации нарративного дискурса; *я*-виртуальное размещается в интернет-дискурсе; *я*-предельное представляет интериоризованный дискурс с речевыми проявлениями ментальной интенсивности; *я*-медийное формируется в дискурсе СМИ. Дискурсивные конструкции местоимения *я* неисчерпаемы, как и их «дейктическое поле», увеличивающееся за счет многочисленных дискурсивных практик. Процессы интердискурсивного взаимодействия способствуют взаимопроникновению дискурсов, полифонии *я*, что, в свою очередь, определяет и многие закономерности жанрово-стилистических новаций. Трансформы *я* – особая конвергенция нашего времени. Так, в сетевой идентичности *я* имеет широкий диапазон превращения «от обыкновенного (случайного) посетителя, последователя, сторонника, друга до уровня *Я*-медиа как источника и центра информационного перекрестка обменными потоками, а затем и до его циклического круговорота и превращения в *Мы*-медиа» [7, с. 814].

Каждый институциональный дискурс ориентируется на *я*, предпочтительное для выражения системы концептов и доминирующих авторских интенций. Так, в философском дискурсе конкретная жизненная ситуация превращается в сверхситуацию, физические объекты – в метафизические, переходящие в новых характеристиках в «возможные миры». *Я* «чистого самосознания» только в полемике может превращаться в *я* конкретной личности.

Попадая в житейский контекст, трансцендентное (духовное) *я* превращает повествование в философски отмеченное рассуждение: «Хор запел “Лакримоза”». И это уже не шестьдесят разных людей пели по нотам. Это тосковал Моцарт. Его “**божественное Я**” (В. Токкарева. На черта нам чужие). Ироническое отношение к философскому *я* также не исключается: «Большое внимание автор уделяет шляпе. “Носить шляпу – не дрова пилить, хотя и тут требуется навык, – замечает он не без глубокомыслия и вместе с тем с афористической краткостью. – Человек, впервые надевший

шляпу, постепенно привыкает к ней, долго не фило-софствуя, заламывает ее на нужный манер и возвра-щает **свое духовное “я”** к более важным проблемам. Читая эти строки, несколько удивляешься: почему **духовное “я”** так непосредственно связано с заламы-ванием шляпы на нужный манер?» (З. Паперный. Музыка играет так весело...).

Я в политическом дискурсе помогает идентифи-цировать жанры и включается в определение ритори-ческого «почерка» политика. Личные местоимения в этом типе коммуникации – значимый ресурс мани-пуляции [8], причем для характеристики этапов политической деятельности важен факт конкуренции местоимений **я** и **мы**.

В рекламном и интернет-дискурсе представлен широкий спектр категорий субъектности самопрезен-тационного характера, включающего ценностный мир как адресанта, так и адресата. Цифровизация расши-ряет самопрезентационные возможности субъектов рекламного дискурса. Например: «Успешный Я», «Роскошная Я», «Новая-старая Я» – модели, которые активны в названиях тренингов, в рекламных видео-материалах, в названиях сетевых групп [9].

Внимание исследователей к проблеме субъектной организации текстов в значительной степени обуслов-лено потребностью сравнения национальных тради-ций, закрепленных в том числе в использовании местоимений. Так, в английских научных статьях присутствие автора маркируется личным местоиме-нием «I» (я), что объясняется индивидуалистическим типом английской культуры; в традициях коллекти-вистского типа русской культуры употребление ав-торского **мы** («множественное число скромности») [10]. В то же время замечен переход от безличной научной речи к самооценочным высказываниям в тех случаях, когда адресант актуализирует риторический потенциал **я** для подчеркивания своей научной пози-ции, новизны проведенного исследования, самопози-ционирования в дискуссии и под. [11]. Научный нарратив меняется в сторону передачи процесса ис-следовательских действий, а не только их результата. Например: «Работая над статьей и анализируя собран-ные данные по теме, я сформулировала для себя во-просы, определившие мои творческие задачи при написании текста» или: «Пора подводить итоги» (сравним с привычной модальностью: «Подведем итоги»). Значимо также влияние англоязычной ака-демической культуры в условиях новых требований оформления русскоязычной научной продукции.

Тенденция к естественности общения и к лич-ностным оценкам сказалась на активизации **я** в дис-курсе цифровой дипломатии, в презентационных жанрах маркетингового дискурса (установка на до-верительные отношения с целевым адресатом), в туристическом дискурсе и многих других.

Местоимение **я** предоставляет множество воз-можностей формирования эгоцентрического дискур-са в условиях межличностного общения. Показатель-ны в этом отношении примеры минимального интер-активного дискурса, в котором местоимение **я** – знак автореференции к текущему (актуальному) менталь-ному состоянию. Местоимение при этом становится носителем самооценки индивида, основывающейся в том числе и на представлениях о том, как он выгля-дит в глазах собеседника. В межличностном общении на первый план выходят психологические факторы, и местоимение **я** как носитель эгоцентрической уста-новки участвует в передаче определенного эмоцио-нального состояния: « – Простите меня... Простите. **Я** понимаю, что невольно оскорбил Вас. Простите! Правда простите! **Я** не иронизирую. **Я** вам помогу добраться до вокзала. **Я** не хочу, чтобы вы держали на меня зло в сердце...» (Е. Попов. Прекрасность жизни).

Выбор местоимения может существенно повли-ять на успех или неуспех межкультурной коммуни-кации. Так, характерная для русской ментальности склонность к установлению межличностных отно-шений с помощью варьирования местоимений не всегда воспринимается американцами как носителя-ми «низкоконтекстной культуры» (О. А. Леонтович), по нормам которой все предметы и явления должны быть обозначены знаменательными словами. Пovy-шенная степень имплицитности русского дискурса требует расшифровки местоимения, т. е. проекции текста на контекст. В русской культуре не принято хвалить самого себя и «якать – твердить **я, я, я**, говорить все только о себе и от себя» (В. И. Даль). **Мы** для русского человека во многих случаях значительно комфортнее, чем **я**. Впрочем, «агрессивная саморе-презентация» (И. А. Стернин), характерная для ре-кламного дискурса и для многих других современных видов (жанров) публичного общения, меняет тради-ционное представление о приоритете **мы** в сравне-нии с **я**.

Дискурсивная семантика местоимения ты связана с фактором адресанта и адресата, с их рече-вым взаимодействием. Без **ты** невозможно **я** – в этой формуле представлен жизненный путь человека, протекающий в бесчисленных конфигурациях **я** – **ты**-отношений.

Ю. Д. Апресян назвал ряд прагматически отме-ченных употреблений местоимения **ты**: 1) **ты** близ-кое; 2) **ты** родственное; 3) **ты** детское; 4) **ты** старшее; 5) **ты** хамское; 6) **ты** панибратское [12, с. 152]. Каж-дому из названных видов **ты** соответствует свой дискурс, свой жанр, свой нарратив, свой стиль. Выбор **ты** или **вы** маркируется как значимый не столько в личностном отношении, сколько в социальном, ин-формирующем о статусных признаках общающихся.

«Любопытную прагматическую функцию выполняет местоимение *вы* в устах носителя *ты* панибратского или ты хамского. Носитель *ты* панибратского маркирует таким несвойственным ему почтительным обращением свой более низкий по сравнению с адресатом социальный (в частности, образовательный) статус, а носитель *ты* хамского – свой более низкий статус в административной иерархии» [12, с. 153]. Есть основания для размышлений об изменении положения дел за четверть века после такого обобщения: статусные признаки приобрели множество других маркировок, что может быть предметом самостоятельного и полезного в социалингвистическом отношении изучения.

В большинстве названных исследователями случаях *ты* имеет в качестве референта прямого собеседника, т. е. приобретает то или иное прагматически ориентированное значение в условиях дейксиса. *Ты* диалоговое проявляет базовое, неосложненное, значение этого местоимения, прямо ориентирующего на адресата. Но возможны и более сложные значения:

«Анфиса была на редкость чутка и догадлива: **ты** еще подумать не успела, а она знает» (И. Грекова. Пороги) – *ты* здесь соотносимо с *я*, но выбор *ты* позволяет дистанцироваться от конкретности ситуации, закрепляется синтаксически, грамматикализируется. «Бачаров повернул ключ, вошел в номер. Номер как номер. Временное жилище. Здесь жили до тебя, теперь **ты**» (В. Токарева. На черта нам чужие) – *ты* соотносимо с *я*, но имеет дополнительное значение – отстраненного от текущей ситуации обобщения, характерного для дискурса раздумья, размышления. «–Трудно со Сталиным полемизировать: **ты** ему сноску, а **он тебе** – ссылку» (З. Паперный. Музыка играет так весело...) – местоимения также организуют грамматикализованную конструкцию и называют гипотетических субъектов действия, находящихся за пределами общения. «–По-твоему, жизнь – что? Она – калейдоскоп. Сегодня одно, завтра другое. Сегодня **ты** начальник, завтра **я**» (С. Довлатов. Старый петух, запеченный в глине) – местоимения служат передаче закрепленного в социальном опыте поведения.

В пределах категории вежливости, лежащей в основе речезыкетного общения, местоимения *ты/Вы* могут маркировать социальную норму, норму определенной референтной группы и отношение к адресату. Выбор местоимения адресант может связывать с установкой на достижение определенного перлокутивного эффекта: *Вы* может свидетельствовать о дистанцировании от адресата (по причине неудовлетворенности его статусными признаками или дискурсивным поведением); *ты* – быть знаком близости, партнерского коммуникативного сотрудничества. Местоимение *ты* может быть проявителем ре-

чевого конформизма коммуникантов, стремящихся приспособиться к чужому статусно-нормативному регистру (переключение местоименного кода в зависимости от возраста, пола, должности и т. д. собеседника): «–Папочка, – иронически сказал Павел. – Или папенька. Или папаня. Как прикажете вас называть? – Как угодно. Можно просто “отец”. – **На “ты”** или **на “вы”**? – Как угодно. – Тогда лучше **на “ты”**. Теплее... Отец! Разреши мне прижать тебя к своему благородному сердцу!» (И. Грекова. Пороги).

Итак, в организации эгоцентрического общения (говорящий в центре общения, его лидерство проявляется в повторах, в повышено рефлексивных высказываниях и под.) и альтерэгоцентрического общения (учет своих интенций и интересов собеседника) местоимениям *я* и *ты* принадлежит значимая роль. Эти местоимения по причине своей неоднозначности являются носителями дополнительного референциального знания, возникающего как в обмене репликами в ситуации непосредственного общения, так и в ситуации диалогизированных монологов.

Местоимение *мы* и дискурс инклюзии/экслюзии

Название статьи Б. Ю. Нормана «Русское местоимение *мы*: внутренняя драматургия» – точная оценка этого местоимения [13]. *Мы* может быть инклюзивным (включающим: *я* + другие) и эксклюзивным (исключающим: *мы* не *они*). Социальная инклюзия/экслюзия и дискурсивная семантика местоимения *мы* проявляются в текстах, манифестирующих многие институциональные дискурсы, в речеповеденческих моделях представителей разных референтных групп.

Идея любви в русском философском дискурсе связывается с местоимением *мы*. По мнению С. Л. Франка, ядром истинной любви является единство «Мы», составляющие которого есть «Я» и «Ты». «В любви происходит трансцендирование «Я» к «Ты», когда «Ты» становится абсолютной реальностью и онтологической опорой для «Я» [14, с. 318–319]. Философской идее о связи любви с местоимением *мы* противостоит другая глобальная характеристика: *мы* – средство идеологических манипуляций в русской языковой картине мира [15]. Другие времена, другие нравы и разные картины мира!

Дополнение коммуникативно-прагматического подхода к местоимениям дискурсивными характеристиками увеличило регистр аспектных описаний институциональных дискурсов. Так, *мы* в юридическом дискурсе может быть как инклюзивным, так и эксклюзивным, что позволяет адресанту организовывать как контекст солидаризации с адресатом, так и проявлять несогласие [16]. В политическом дискурсе выбор инклюзивного или эксклюзивного значения

местоимения *мы* оказывается особо значимым. Дейктические пары «*мы* – *они*», «*мы* – *вы*» являются носителями объединения или отчуждения и, по сути, входят в «формулу власти».

Семантику *мы* инклюзивного передают конструкции, включающие местоимение в пределы концепта «свой» (*мы с вами*, *мы с тобой* и т. д.): «**Все мы с вами** и каждый из нас в отдельности, между прочим, имеем честь принадлежать к народу...» (В. Пьецух. Новая московская философия). «—Что вам, ковра жалко? — удивилась Ирочка. — Все равно он дольше нас с вами проживет. — “**Нас с вами**”. Не сказала “*нас*”, а взяла с собой в компанию» (В. Токарева. На черта нам чужие).

Мы покровительственное минимизирует дистанцию между коммуникантами, проявляет желание говорящего полностью включиться в личную сферу адресата, разделить все его переживания: «Она разговаривала с ним **на “мы”**: “Ну как **мы** себя чувствуем? Давление у нас нормальное, разве чуточку повышено, но ведь не двадцать лет?”» (И. Грекова. Пороги). Так называемое *мы* крестьянское в современных условиях может использоваться в стилизованном контексте: «—Ничего, — говорю, — **мы** привыкшие...» (С. Довлатов. Старый петух, запеченный в глине).

Мы нарративное соединяет автора-повествователя с гипотетическим адресатом-читателем: «На чем **мы** остановились? На том, что Вероника собиралась на встречу с Мельниковым...» (В. Токарева. На черта нам чужие).

Мы всеобщее проявляет предельную степень инклюзивности: «**Мы** узнали о себе и других слишком много и хотим увидеть изнанку мифов. Современная личность настолько усложнена, что **мы** с неудержимой силой и жадностью вовлечены во все большую демаскировку мифов, открывая их скрытую суть, ища идентификаций, ответов и структур» (Н. Берберова. Железная женщина).

Местоимения могут быть своеобразной «рамкой» для организации риторического приема как способа отхода от стандартной семантики и стандартных оценок, что тоже представляет собой дискурсивно значимый фактор. Риторический прием иронии может строиться на нарушении правила организации дискурса идентичности, что только подтверждает наличие таких правил: «**Мы** требуем, чтобы по отношению к нам были приняты самые суровые меры. Таким, как **мы**, не место среди нас» (З. Паперный. Музыка играет так весело...). «—**Мы**, наследники Суворова... — Ясно. Идите и больше не грешите. Прощаю вас, наследник Суворова» (И. Грекова. Пороги).

Таким образом, местоимение *мы* имеет ряд социально и когнитивно значимых употреблений, оно маркирует позицию и статус говорящих, определяет

дистанцию между субъектами речи, доминирует в ряде риторически отмеченных высказываний.

В дискурсивную семантику местоимения *мы* входит его способность формировать личную и коллективную идентичность — профессиональную (*мы ученые, писатели*), возрастную (*мы подростки, мы совершеннолетние*), гендерную (*мы женщины, мы мужики*), этническую и региональную (*мы крымчане, мы сибиряки*), по характеру, образу жизни, интересам (*мы книголюбы, мы нумизматы, мы тусовщики*) [17]. Включая в типологию семантических кластеров, представленную Б. Ю. Норманом и А. М. Плотниковой, свои примеры (*подростки, мужики, сибиряки, тусовщики*), *мы* хотели обратить внимание на акцентированную в настоящей статье закономерность: каждый тип идентификации может иметь свой дискурс со всеми его жанрово-стилистическими разновидностями.

В аспекте межкультурных сопоставлений и переводческой деятельности важно учитывать культурные различия в нормах поведения, в экспрессивных возможностях личных местоимений. Фиксируется несоответствие модусов кодирования и декодирования дискурсов с местоимением *мы*: в английском языке семантическое различие между *мы* инклюзивным и *мы* эксклюзивным не столь многоаспектно, а в случае манипулятивных действий с этим местоимением требует от адресата дополнительной расшифровки.

Заключение

Являясь «нарушителями порядка на территории грамматики» (А. М. Пешковский), объединенные в частеречные группы местоимения приобретают особую систему свойств при рассмотрении их в комплексе семантико-прагматических и когнитивно-дискурсивных признаков. Личные местоимения участвуют в реализации речевых стратегий сближения с собеседником (адресатом) или дистанцирования от него; могут усиливать восприятие сказанного и оценивать ситуацию, включаясь в риторические приемы, доминировать в регламентации смысла институциональных дискурсов и многое другое. Личное местоимение как дейктическое слово, соотносимое с текстом и с внешним миром, является и дискурсивным словом (при условии широкого понимания этого понятия), имеющим широкий спектр значений, каждое из которых может быть охарактеризовано в проекции на определенный вид дискурса или дискурсивную практику, не получившую институциональной нормативной закреплённости. Чувствительность к контексту личным местоимениям свойственна не меньше, чем любым другим дискурсивным словам.

Местоимения способны корректировать смыслы и оценку сказанного через выстраивание необходимых говорящему когнитивных ходов, участвуя в

комбинации когнитивных процедур как коммуникативно значимых стратегий и тактик общения. Эта группа слов активно включается в моделирование процесса общения и способна проявлять статус коммуникантов через понимание критериев выбора типа означивания (референтного или нереферентного) в передаваемой информации. Местоимения активны в организации речевых действий intersubъектного характера.

Иллокутивный фактор входит в систему прагматического подхода к анализу языковых единиц и явлений. С этим фактором связан характер оценки, ее рассмотрение в аспекте воздействия на слушателя с целью вызвать у него определенное эмоциональное состояние. Местоимения могут выполнять роль индикаторов иллокутивного акта, участвовать в передаче модальных отношений и сами создавать такие отношения. Местоимения в дискурсе перестают быть нейтральными средствами связи, их когнитивная и коммуникативная роль отражает свойства национального менталитета и связанных с ним традиций, что важно для адекватной переводческой деятельности.

Организуя смысловое пространство, личные местоимения коррелируют как с личностью (в широком спектре характеристик), так и с типом дискурса. В такой двойственности можно усмотреть новые резервы когнитивно-дискурсивной квалификации местоимений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. М. : Наука, 2001. № 1. С. 107–113.
2. Видулова Е. А. Грамматика текста и теория дискурса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. Вып. 9. С. 531–537.
3. Рогова К. А. На пути к новой академической грамматике // Мир русского слова. 2018. № 2. С. 5–12.
4. Плунгян В. А. Предисловие : Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М., 2008. С. 7–34.
5. Гранева И. Ю., Наговицына Н. В. Личные и притяжательные местоимения русского языка как репрезентанты концепта ПАТРИОТИЗМ // Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике : материалы Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике. 16–18 мая 2019 г. / отв. ред. вып. Т. В. Романова. Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2019. 1144 с.
6. Пищальникова В. А. Картина мира как междисциплинарное понятие и приемы ее моделирования // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 13–19.
7. Романов А. А., Романова Л. А. Медийные демонстративные я-практики как перформативные маркеры сетевой идентичности // Русская грамматика : активные

процессы в языке и речи : сб. науч. трудов Междунар. науч. симпозиума. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 813–825.

8. Кармова А. А. Манипулятивный потенциал грамматических средств в современном политическом дискурсе // Вестник Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2016. № 1(3). С. 84–90.

9. Милованова М. С., Шамсутдинова Р. Р. Субъективный потенциал местоимений и их функционирование в современном русском языке // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Русская филология. 2018. № 5. С. 88–101.

10. Китиани Н. А. Об авторском «я» в академическом дискурсе // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сб. науч. трудов. Вып. 2. М. : Университетская книга, 2018. С. 423–426.

11. Соколова Г. В. «Я» и «мы» для обозначения автора в русском научном тексте // Лингводидактический поиск на рубеже веков. М. : Информационно-учебный центр РТЯ им. А. С. Пушкина, 2000. С. 202–212.

12. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

13. Норман Б. Ю. Русское местоимение мы : внутренняя драматургия // Russian linguistics. 2002. № 26 (2). С. 217–234.

14. Франк С. Л. Три размышления // Духовные основы общества. М., 1992. 514 с.

15. Гранева И. Ю. Местоимение «мы» как средство идеологических манипуляций в русской языковой картине мира // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4-2. С. 494–496.

16. Крапивкина О. А. Прагматический потенциал местоимения мы в юридических дискурсивных практиках // Вестник Сев. (Арктического) федер. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 3. С. 90–98.

17. Норман Б. Ю., Плотникова А. М. Конструкции с местоимением мы : формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности // Вестник Новосибир. гос. пед. ун-та. 2016. № 6 (34). С. 126–138.

REFERENCES

1. Zolotova G. A. *Grammatika kak nauka o cheloveke* [Grammar as the science of man]. In *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. Moscow : Nauka, 2001. No. 1. Pp. 107–113.
2. Vikulova E. A. *Grammatika teksta i teoriya diskursa* [Text grammar and theory of discourse]. In *Antinomii* [Antinomies], 2009. Iss. 9. Pp. 531–537.
3. Rogova K. A. *Na puti k novoy akademicheskoy grammatike* [Towards the new russian academic grammar]. In *Mir russkogo slova*. 2018. No. 2. Pp. 5–12.
4. Plungyan V. A. *Predisloviye: Diskurs i grammatika* [Preface: discourse and grammar]. In *Issledovaniya po teorii grammatiki*. Iss. 4: Grammatical categories in discourse. Moscow, 2008. Pp. 7–34.
5. Graneva I. Yu., Nagovitsyna N. V. *Lichnyye i priyazhatelnyye mestoimeniya russkogo yazyka kak*

reprezentanty kontsepta PATRIOTIZM [Russian personal and possessive pronouns as representatives of the concept PATRIOTISM]. In Vol. XXXVII: Integrative Processes in Cognitive Linguistics: Papers of International Congress on Cognitive Linguistics. May, 16–18, 2019 / volume editor-in-chief T.V. Romanova. Nizhny Novgorod: DEKOM Publishing House, 2019. 1144 p.

6. Pishchalnikova V. A. *Kartina mira kak mezhdistsiplinarnoye ponyatiye i priyemye eye modelirovaniya* [Worldview as an interdisciplinary notion and procedures of its modelling]. In Vestnik VGU. Seriya: lingvistika i kommunikatsiya, 2019. No. 1. Pp. 13–19.

7. Romanov A. A., Romanova L. A. *Mediynnyye demonstrativnyye ya-praktiki kak performativnyye markery setevoy identichnosti* [Media demonstrative self-practices as performative markers of network identity]. In Russkaya grammatika: aktivnyye protsessy v yazyke i v rechi. Yaroslavl, 2019. Pp. 813–825.

8. Karamova A. A. *Manipulyativnyy potentsial grammaticheskikh sredstv v sovremenном politicheskom diskurse* [Manipulative potential of grammar resources in the contemporary political discourse]. In Bulletin of the Volga state University. V. N. Tatishcheva. 2016. Vol. 1. No. 3. Pp. 84–90.

9. Milovanova M. S., Shamsutdinova R. R. *Subyektivnyy potentsial mestoimeniy i ikh funktsionirovaniye v sovremenном russkom yazyke* [Subjective potential of pronouns and their functioning in the modern Russian language]. In Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2018. No. 5. Pp. 88–101.

10. Kipiani N. *Ob avtorskom “ya” v akademicheskом diskurse* [About the author’s “I” in academic discourse]. In Kultura. Perevod. Kommunikatsiya: sbornik nauchnykh trudov. Iss. 2. Moscow: Universitetskaya kniga, 2018. Pp. 423–426.

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в г. Ялте)

Синельникова Л. Н., профессор кафедры русской и украинской филологии с методикой преподавания
E-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

Поступила в редакцию 13 января 2020 г.

Принята к публикации 25 марта 2020 г.

Для цитирования:

Синельникова Л. Н. Дискурсивная семантика личных местоимений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2829>

11. Sokolova G. V. «Ja» i «my» dlja oboznachenija avtora v russkom nauchnom tekste [I and we to refer to the author in Russian scientific text]. In Lingvodidakticheskij poisk na rubezhe vekov. Moscow, 2000. Pp. 202–212.

12. Apresyan Yu. D. *Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya*. [The integrated description of language and systemic lexicography]. In Izbrannyye trudy. Tom II. Moscow: School of Languages of Russian culture, 1995. 767 p.

13. Norman B. Y. *Russkoye mestoimeniye my: vnutrennyaya dramaturgiya*. [Russian pronoun we: the inner drama]. In Russian Linguist. Netherland: Kluwer Academic Publishers, 2002. Pp. 218–234.

14. Frank S. L. *Tri razmyshleniya* [the three reflections]. In Dukhovnyye osnovy obshchestva. Moscow, 1992. 514 p.

15. Graneva I. Y. *Mestoimeniye “my” kak sredstvo ideologicheskoy manipulyatsii v russkoy yazykovoy kartine mira* [Pronoun ‘Мы’ as a Means of Ideological Manipulations in the Russian Linguistic Worldview]. In Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2010. No. 4-2. Pp. 494–496.

16. Krapivkina O. A. *Grammaticheskij potentsial mestoimeniya my v yuridicheskikh diskursivnykh praktikakh* [Grammatics of the We-Pronoun in Russian Legal Discourse]. In Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki. 2018. No. 3. Pp. 90–98.

17. Norman B. Y., Plotnikova A. M. *Konstruktsii s mestoimeniem my: formirovanie aktual’noy ili okkazional’noy kollektivnoy identichnosti* [Structures with the Pronoun “We”: Formation of Actual and Occasional Collective Identity]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2016. No. 6. Pp. 126–138.

Academy of the Humanities and Pedagogics (branch of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta)

Sinelnikova L. N., Professor of the Russian and Ukrainian Philology and Methods of Teaching Department
E-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

Received: 12 February 2020

Accepted: 25 March 2020

For citation:

Sinelnikova L. N. Discourse Semantics of Personal Pronouns. Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2020. No. 2. Pp. 21–28. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2829>